

Кто отвечает за Добро и Зло или об охоте на ангелов и о моральном кодексе строителя коммунизма

(Отрывок из книги «Поезд отправляется»

www.literatur-viktor-prieb.de)

Что касалось его официальной религии, то он рос как Малыш, скорее, неверующим. Его отец, как и большинство немцев из Пришибской колонии, был окрещен в лютеранско-евангелической церкви. Со временем, однако, его вера поблекла, после того как он, начиная со своих одиннадцати лет, должен был рассчитывать только на себя самого и на свое искусство выживания. Он потерял всякое доверие к Богу и, тем самым, веру в Бога и только добродушно посмеивался над противоречивыми библейскими притчами, если кто-то подъезжал к нему с этой темой.

Его окрещенная в православной русской церкви мать верила, если даже и втайне, в Бога, особенно после того, как ее молитвы были услышаны и Отец вернулся к семье из ада войны и плена.

Она даже научила своих детей читать перед сном «Отче наш» и всегда рассказывала им, что ангелы-хранители сидят в их детских подмышках, когда они едят. Это привело свято в это верящего Малыша к идее на них охотиться. Он внезапно бросал на стол свою ложку и хватался за свои подмышки. Только ангелы всегда были чуть быстрее его! Вероятно они просто знали наперед его коварный замысел. Во всяком случае, ему так ни разу и не удалось их схватить, что – само собой разумеется – опять же мало способствовало углублению его веры.

Официально церковь в СССР была, правда, не запрещена, а только отделена от государства, то есть стала неофициальной. Большинство утративших государственную защиту церковей было «неофициально» разрушено тем же государством. С большинства оставшихся были «неофициально» снесены кресты и колокольни как символы и глашатаи христианской веры, и в таком «кастрированном» виде церкви использовались по хозяйственной нужде, которая, впрочем, была официальной. В малой части оставшегося с колокольнями и крестами и не отобранного в связи с этим как музейно-архитектурная ценность меньшинства церковей были даже «неофициально» разрешены официальные богослужения, однако и они находились не столько под опекой Бога, сколько НКВД-КГБ.

Большинство оставшихся без церковей церковных общин были «неофициально» разогнаны, а верующие и священники, как известно, пополняли «неофициально» из года в год концлагеря и тюрьмы. Оные, правда, находились иногда – «Соловки», например – в бывших монастырях! Эти верующие и священники уничтожались, преследовались, жантажировались и вообще были нежелательны, поскольку вера в Бога стояла «неофициально» в конкуренции с официальной верой в коммунизм.

Христианская мораль, которая почти тысячу лет так успешно воспитывала душу русского православного народа, была подменена «Моральным кодексом строителя коммунизма». Этот «Кодекс», правда, лицемерно содержал при этом те же самые, если даже и несколько переформулированные, Десять Заповедей из Библии, только теперь следующим этим заповедям людям был обещан рай на Земле, вместо Рая на небе, а именно – коммунизм и именно еще в их плотской жизни.

Так как каждый в народе мог при долговременно царящих бедности, беде и нужде быстро подсчитать, что ему до этого Рая на земле никогда не дожить, то он и не много содержал от этих эрзац-заповедей. Коммунисты исключались из этого кодекса автоматически, поскольку они и пришли-то к власти на основе запрещенной даже в их кодексе жадности к чужому добру и посредством также запрещенных в их кодексе

убийства и грабежа и все еще справляли эту власть на основе и с помощью тех же антизаповедей. Поэтому «Кодекс строителя коммунизма» не сумел достичь такого успеха, как Библия, и так и остался – за неимением как коммунизма, так и его, верующего в него строителя – не востребовавшимся и бесполезным.

Отца мало занимали вопросы Рая. Его больше интересовали простые вопросы жизни. Еще в его детстве с кинофильмами о войне он спрашивал себя:

– Почему все без исключения люди в кинозале стоят во время показа фильма на стороне хороших против плохих и превращаются тут же в плохих, как только они выходят из этих кинозалов наружу и возвращаются назад в их жизнь?

Первое означало для него, что люди все же имеют какое-то представление о Добре и Зле – неважно из Заповедей Библии или из заветов «Морального кодекса» – и даже проявляют их склонность к Добру.

Второе однако же показывало, что они сами не могут в их реальной жизни различать Добро и Зло с такой черно-белой отчетливостью, как это делается обычно в Первоисточнике или в кино. Они либо не могут разложить их сложную действительность на те десять простых и отчетливых аксиом и на их основе распознавать эти два антипода, либо же иногда и не хотят этого делать из каких-то собственных интересов или низких побуждений.

Отсюда вытекала для Отца другая, более близкая к людям интерпретация Бога в Небе и Черта в Аду, так же как и их извечной борьбы.

– Они же оба живут в каждом из нас, и каждый из нас решает сам исход их борьбы и несет ответственность за этот исход! – было открытием Отца.

Эта трактовка лежала и не так уж далеко от мысли самого Христа, которую он, явившись отчаявшейся Марии Магдалене после своего воскресения, открыл ей в словах:

– Не смотри Туда и не пытайся услышать Там, что ты должна делать – смотри и слушай внутрь себя и ищи в себе самой!

После этого простого и уже поэтому лежащего близко к Христу, но очищенного от всякого фарисейства представления Отцу удавалось легче познать людей и их сложные поступки.

– Это дело собственнолично каждого человека, ставит ли он главной целью своей жизни Добро или же Зло, что и определяет его как хорошего или плохого человека, – проповедовал он потом свое открытие и своим дочерям, потому что, по его твердому убеждению, без таких основ невозможно вообще никакое воспитание.

– Тогда все люди на Земле хорошие люди. Кто же хочет быть плохим человеком! – снова удивили его дочери своей детской логикой, согласно которой только Добро имело право существовать.

– Где вы правы, так это в том, что ни один человек, возможно, не захочет представлять себя публично как злой человек. Ни один также не признается в том открыто. Большинство даже убеждено, что они хорошие люди! Это связано со сложностью вопроса, что есть хорошо и что плохо или что есть Добро и что есть Зло. При этом, чтобы быть хорошим человеком, хватило бы уже просто позволить преобладать победам Бога над Дьяволом в тебе самом. Позволяет человек выиграть Дьяволу – он плохой или злой человек!

– Только дурак может позволить выиграть Черту!

– Насколько эта борьба решается в нашей голове и с нашей волей, настолько это действительно имеет отношение к уму и силе воли каждого человека. Дураки могут быть не всегда могут опознать Дьявола – это было бы еще пол-беды. Но многие другие все же опознают его и тем не менее позволяют ему на совершенно обдуманных

основаниях выигрывать. Дьявол же может быть при царящих в мире отношениях гораздо полезнее, чем Бог! Подобные люди, я бы сказал, являются наихудшими и, как правило, вовсе не такими дурными.

– А как же и впрямь опознать Черта?

– Хороший вопрос! Нам известно нечто такое, как «второй» или «внутренний голос» в нас. Он всегда так добр к нам, в то время как наш первый голос – голос нашего рассудка – всегда кажется жестоким и беспощадным к нам. Знакомо вам такое?

– О, да! Каждое утро, когда я должна так рано вставать, этот соблазнительный голос говорит мне: «Ах, оставайся лучше в постели, ведь тебе так уютно и тепло под одеялом! Ничего же не случится, если ты разок прогуляешь школу!», – призналась полная радости открытая меньшая дочь.

– Хороший пример! Это самая частая и самая понятная ситуация, в которой человек сталкивается с этим. Во всяком случае, что касается второго голоса. Первый голос – ваш рассудок – говорит вам: «Вы должны в школу!». А кому и почему собственно вы это должны?

– Тоже хороший вопрос, папа! Все же дети должны в школу.

– И это тоже один из самых типичных ответов для большинства жизненных ситуаций и для многих людей. Хотя это же, вероятно, самое глупое, что может быть – верить в то, что нечто есть тем правильнее и правдивее, чем больше людей это нечто делают! «Стадный инстинкт» называется этот образ поведения у овец и у подобных им существ.

– Ты имеешь в виду, что ходить в школу – это не правильно, потому что все другие туда тоже ходят?

– Нет! Я имею в виду, что это не правильно, ходить в школу только потому, что все другие туда тоже ходят. Если уж ты что-то делаешь, так делай это с твоим собственным рассудком – так, чтобы ты сама была твердо убеждена в своих деяниях! Только тогда эти твои деяния правильны. Тогда это и не так тяжело в критических ситуациях с разумом и со вторым, соблазнительным голосом. Чтобы оставаться на стороне вашего разума, вы должны все же лучше знать, почему вы делаете то или другое. Так почему еще вы идете в школу?

– Чтобы получить много знаний и хорошее образование! – сообщила снова меньшая, старательно цитируя то, что она, наверняка, уже много раз слышала от учителей.

– Уже лучше! А зачем, собственно, нужны вам эти знания и это образование?

– Чтобы лучше жить! – должна была теперь импровизировать меньшая.

– И все? Что вы ответите, если в вашей утренней борьбе второй голос прошепчет вам на это: «Разве это уже не лучшая жизнь, оставаться здесь под одеялом, вместо того чтобы тащиться так рано на темную, морозную и заснеженную улицу?». Вы тогда оказываетесь снова перед трилеммой: что есть плохо, что хорошо, а что лучше.»

– Мы ответим: «Ты прав!» – и останемся в постели. – «Все-равно сейчас придет папа и выкинет нас из нее!».

– Так и поступают многие люди. Как раз те, которые сами не убеждены в своих деяниях. Они перекалывают ответственность за эти деяния, если уж им не удастся переложить сами деяния, на своих ближних.

– Папа, так почему все-таки мы ходим в школу, и зачем нам все эти знания? – сдалась импровизировать дальше маленькая.

– Как бы было, например, с этим: потому что вы любопытны и хотите этими знаниями поделиться с как можно большим числом людей в вашем окружении, у

которых их нет, и тем самым делать ваш собственный мир лучше, поскольку Зло и приходит же из-за незнания.

– Ого! Ну это ты высоко хватил! Ты уверен, что это нас лучше вытащит из теплой постели?

– Любопытство, я думаю, вполне. Впрочем, вы можете себе придумать и что-нибудь более простое. Главное – вы переймете ответственность не только за себя. Тогда и решение лежит не только у вас и касается не только вашего личного уюта. Оно лежит тогда снаружи, на той морозной улице и туда вы должны, даже если это вам стоит очень много силы воли. Эта сила воли и приходит тоже только вследствие так высоко поставленного и хорошо понятого чувства долга!

– И если мы станем потом такими высокообразованными, будем мы тогда хорошими людьми?

– Это тоже лежит на вас самих. Если вы этого хотите – на что я сильно надеюсь! – то эти знания помогут вам только лучше анализировать и лучше понимать мир. Это называется – лучше различать и опознавать Добро и Зло. Парадоксальным образом я видел среди образованных людей больше плохих людей, чем среди простых, среди которых я вырос и вращался на своих Северах.

– Может нам тогда все же лучше не ходить больше в школу?

– Я же сказал, что только вы сами, а не ваше образование решает о Добре и Зле! Интеллект и образование служат многим только для того, чтобы опознать их собственные преимущества. А эти преимущества легче и быстрее всего выиграть на стороне Дьявола. Лучший пример тому – это доктор Фауст у Гёте.

– Образованные люди – это же интеллигентные люди, а ты сам говоришь, что при всех делах много лежит на интеллекте.

– Высшее образование, может быть, говорит – уже только из-за метода отбора – за то, что человек обладает некоторым интеллектом, но вовсе не за то, что какой-то необразованный человек им не обладает. Разница между обеими группами лежит только в области статистики. Многие необразованные люди просто в этот отбор не попали, потому что либо не могли, либо не хотели. Их учитель – их жизнь, а их диплом – их мудрость. Лучший пример этому – ваш дед!

– Наш дед-каменщик? Он же не принадлежит к интеллигенции.

– А кто тут говорил про интеллигенцию. Вы путаете это понятие-суррогат с понятиями «интеллект», «интеллектуал» и «интеллектуалист», которые означают нечто совсем другое!

– Во всяком случае, все они имеют один и тот же корень!

– Раньше в России это понятие, быть может, и соответствовало своему корню. Но после того как рабочие и матросы пришли к власти, объявили интеллигенцию их классовым врагом и истребили ее, этот корень потерял свой смысл и даже само понятие осталось только как ругательное слово. Позднее, правда, все то, что рабочие и матросы ненавидели, против чего они боролись в Гражданской войне и потом отменили – типа офицерских чинов, погонов и многого другого – было ими снова введено, теперь уже для себя самих. Еще одно доказательство тому, что люди борются, главным образом, не за улучшение общественных отношений, а, в конечном итоге, за перераспределение чинов и привилегий. Особенно те, которые неспособны это человеческое «добро» получить нормальным путем и поэтому рвут его к себе путем насилия. К этим вновь введенным вещам принадлежит и «интеллигенция», которая сегодня не означает ничего другого, как принадлежность к новому классу коммунистов-функционеров. А что там происходит за отбор – про это я даже и говорить не хочу, не то чтобы туда принадлежать! Вы тоже об этом не слишком много говорите там, снаружи.

– Но были же еще всегда интеллигентные люди, которые боролись все же за справедливость и за лучший порядок в мире или, как минимум, об этом философствовали, об этом мечтали и пытались это реализовать, как, например, тобой же высоко ценимые декабристы на Сенатской площади Санкт-Петербурга в 1825 году.

– Естественно, они были, и они все еще есть! Те, кто со своим рассудком и со своей убежденностью борется на стороне Добра, если уж выражаться моими понятиями. Однако, они не принадлежат к интеллигенции, которую вы знаете, а к интеллектуалам, которые постоянно служат движению человечества вперед. При этом их образование и даже их степень интеллекта не обязательно играют такую уж решающую роль. Но они составляют, может быть, всего лишь пять процентов населения любой страны с небольшими отклонениями от страны к стране.

– Какую же тогда роль играют оставшиеся девяносто пять процентов людей в этой борьбе Добра и Зла, о которой ты говоришь?

– Некоторые из девяноста пяти процентов вообще не вмешиваются в эту борьбу, потому что они либо об этом не думают, либо вообще не могут думать, причем за последнее этих людей опять же нельзя винить. В них эта борьба остается нерешенной: один раз побеждает Бог – другой раз Дьявол, поскольку обе эти силы равны. Другие борются на стороне Бога даже без собственного разума и собственной воли, а только на основе своей веры, которую они впитали с молоком матери и с помощью церкви.

– Ну если, по-твоему, даже веры людей в Бога все еще не достаточно, чтобы победить Зло, то разум и воля уже тоже не помогут!

– Одной веры не достаточно и ею даже злоупотребляют, в том, например, что люди творят Зло с сознанием, что они могут потом покаяться, помолиться об отпущении грехов и тут же его получить. Лучше всего иметь все вместе: веру, разум и волю и, может быть, кое-что еще сверх того. Именно тем отличаются интеллектуалы в их призвании: их верой в Добро, их разумом, их силой воли и духа. В отличие от них интеллектуалисты только играют с якобы имеющимся у них умом; испльзуют его только для того, чтобы выставить себя лучше других, и быстро оказываются при этом – но тоже не без их воли – на стороне Дьявола, как я уже сказал о многих образованных людях, поскольку у них нет души. Некоторых таких «умников» можно узнать по тому, как они себя выставляют перед другими. Вы таких, наверняка, уже встречали.

– Конечно! Таких достаточно в школе среди наших пацанов-хвастунов.

– Есть еще и, так называемые, «слабые» люди, которые обладают достаточным умом, чтобы понимать о чем речь, и достаточно души, чтобы признавать Добро, но в их предполагаемой и всеми другими, как правило, с большим пониманием признаваемой слабости не проявляют воли, чтобы вести борьбу за Добро. Они труднее всего узнаваемы и, по мне, так тоже относятся к наихудшим. Они кажутся во всем хорошие, но в какой-то критический момент, если борьба близится, они увиливают от нее и при этом продают всех, даже их самых близких друзей!

– Чего у человека нет, того и нет! Ты же всегда говоришь, что, если у кого-то не хватает ума, то его нельзя за это винить. Почему ж ты тогда так жестко осуждаешь слабых, которым не хватает силы воли?

– Потому что сила воли, в отличие от ума, не врожденное качество, а может быть каждым натренирована, так же как и сила мускул. Поэтому я и не признаю людей, которые слишком ленивы, чтобы тренировать как их волю, так и их тело и предпочитают вместо этого прятаться за своими слабостями, но в то же время и за широкими спинами волевыми и сильных людей.

– С помощью каких же таких «тяжестей» тренируется «волевой мускул»?

– Не с помощью тяжестей, но все же с помощью самонагрузок. Допустим, сам себя выкидывать из теплой постели, а не предоставлять это папе, если уж оставаться при вашем примере. Еще лучше было бы при этом – сразу бежать под холодный душ!

– Вот это сурово!

– Чем суровее тренировка, тем железнее воля и тем меньше людей хотят ее тренировать!

– А где же ведущая роль интеллектуалов для этих девяноста пяти процентов, которые еще и сами должны тренировать свою волю? Они все же остаются предоставленными, скорее, себе самим и в конечном итоге творят, что им взбредет в голову.

– Я сказал, что интеллектуалы двигают общество вперед, но не говорил, что они его ведут вперед. К сожалению, этого не произошло еще никогда в истории, чтобы какое-то общество было ведомо его интеллектуалами. Они, наверное, слишком индивидуальны, чтобы договориться между собой, объединиться и перенять управление. А кроме того, они не властomаны, которыми являются любые вожди. Их власть состоит в том, чтобы перенять самые общие вопросы человечества, которые внушают нормальным людям страх и над которыми они безвластны, и искать ответы на них. А богатство их мыслей образует потом добро мыслей и культурное добро всего человечества, которое и стоит каждому человеку к услугам. Это их роль. Они даже и не заботятся о том, понимают ли люди их мысленное добро и пользуются ли они им.

– По-моему, всем добрым и тем, что называется добром, люди пользуются и будут всегда пользоваться. Зачем же им еще об этом заботиться? – думала вместе с Отцом основательно, как всегда, старшая дочь.

– Остальным девяноста пяти процентам людей трудно использовать лично то, что объявлено добром для всех и принадлежит всем. Каждый ищет то, что для него добро и хорошо. Вот тут и появляются их вожди, которые утверждают знать лучше, что для каждого в отдельности хорошо, где это найти, а в конечном итоге и что есть Добро, а что Зло. Этим они совращают и развращают людей, составляющих девяноста пять процентов всех прочих сортов – дурных, набожных и слабых, которые только того и ждут и слишком охотно перепоручают ответственность за эту борьбу между Добром и Злом вождям любого вида, и злоупотребляют ими. Эти девяноста пять процентов позволяют вести себя на войны и на другие преступления!

– Каждый, кто не хочет войны и не хочет стать преступником, может это заметить и перестать в ней участвовать!

– Если некоторые это и замечают, то, главным образом, уже слишком поздно! Другие не хотят вообще ничего замечать, мечтают все еще о куске добра только для себя и твердо уверены в том, что Зло не коснется лично их, а только их близких. Тот же самый второй голос нашептывает это им и они охотно позволяют ему себя убедить.

– В том, что не надо вылезать из постели, а можно спокойно в ней оставаться?

– Примерно так и так просто все это! Вопреки всем сложным вещам, которые я вам тут наговорил. Эта борьба между Добром и Злом есть не что иное, как борьба каждого лично со своей Совестью. И она происходит редко на открытой мировой арене с триумфальными победами и унижительными поражениями. Она повсеместна – в наших ежедневных отношениях друг с другом. Только так и создаются отношения между людьми и так вращается человеческий мир тысячелетиями в этом дьявольском круге. В этой борьбе не дано окончательной, вечной победы, поскольку как Бог, так и Дьявол – бессмертны. Борьба решается каждый день снова и снова. Так что каждый человек, который еще вчера проявил себя последним подлецом, имеет шанс сегодня стать хорошим человеком, если он этого хочет и достаточно волевой, чтобы за это бороться!

– Снова типично твоя противоречивая манера! – возмутилась старшая дочь. – Ты все объяснишь, как отличить, например, хороших людей от плохих и опознать подлецов, а потом одним предложением превращаешь все это в ничто, когда утверждаешь, что подлецов по сути дела вовсе нет и каждый имеет свой шанс стать

хорошим человеком. Как я могу тогда использовать твою философию для себя, чтобы уметь лучше судить об окружающих меня людях?

– Я же не прорицатель. К правде можно только приближаться, и как раз через такие противоречия. Я пытаюсь только обдумать вместе с вами все это в целом. Во всяком случае речь идет больше о том, к чему ты сама решаешься и что ты признаешь – Добро или Зло, а не о том, как ты судишь других и какой выносишь им приговор. Это лучше для тебя и не так приводит в отчаяние, если ты будешь исходить из того, что каждый человек сам по себе хороший человек.

– Из этого исходил Иисус Христос тоже и окончил, как известно, на кресте, преданный одним из стоящих к нему наиболее близко «хороших людей».

– Это случается вновь и вновь и все же для тебя лучше исходить из этого. Для тебя при вопросе «Плохи люди или хороши?» должна идти речь только о тебе! Предоставь другим им самим! Никто из них и не должен доказывать кому-то другому, какой он есть и что он есть!

– Тем не менее, я бы очень хотела знать – лучше всего в процентах – сколько вокруг меня хороших людей и сколько плохих!

– Такой статической определенности ты никогда для себя не добьешься, поскольку ваша динамическая общественная жизнь – ваши взаимоотношения – уже есть то, что может делать людей плохими и тем самым изменять твое процентное соотношение. Вследствие этого, ты сама, даже если ты себя причисляешь к хорошим, ответственна за Зло в твоём ближнем!

– Что это опять за вздор?

– Ну, естественно! Как раз в том случае, если ты хорошая и показываешь себя лучше других людей вокруг тебя, то уже этого достаточно, чтобы превращать других в их зависти в плохих.

– Тогда они тоже в моем плохом проценте!

– На каком основании ты хочешь присвоить себе право, если кто-то даже проявит себя подлецом перед тобой, его сразу судить, приговорить и казнить? Ты можешь выносить только те приговоры, которые касаются исключительно тебя самой. Например, внутренне презирать плохого человека, уйти от него прочь, забыть его, держаться от него подальше, не иметь с ним больше ничего общего и так далее. Таким образом, всегда существует достаточно еще мер противодействия. Если ты хороший человек – и плохой это знает – то для него это было бы уже достаточным наказанием.

С этими представлениями подходил к людям и сам Отец. С принципом исходной невинности, как в правосудии, которого он сам еще никогда, начиная со своего виновного детства, не испытал и поэтому, тоскуя о нем, знал, как он важен.

Довольно рискованный – надо к этому добавить – подход такого зависимого от принципов человека среди нормальных людей! Если какой-нибудь подлец злоупотреблял открытостью Отца, то его это ранило иногда настолько, что он мог тут же взорваться и врезать ему по морде. Он срывался тем больше, чем больше доверия дарил перед тем этому человеку.

Отец не был святым и не претендовал на это! Он противоречиво – так же, как он дискутировал и как он в своих поисках правды и справедливости жил – нарушал свою собственную религию, которая отличалась может быть только в одном от официальной христианской веры, – он не мог нигде и ни от кого извне получить или, как это бывало раньше с индульгенциями, просто купить отпущение грехов. Отпущение он должен был уже искать в себе самом, у себя о нем просить, с самим собой справляться, приходиться к ясности и заключать свой мир с собой – купить, выпросить или вымолить тут было нечего.

Лишь позднее он мог философствовать о происшедшем, чувствовал себя потом виноватым за то, что набил кому-то морду, и страдал от этого чувства вины. Вину другого, который его к этому спровоцировал или вынудил, он предоставлял при этом тому другому. Он никогда не прятался от своих провинностей и грехов и никогда не искал оправдания для себя или виноватых в том, что приключилось ему, среди других.

*